

«ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ»: К СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена анализу процессов, которые совершаются в современном обществе и диктуют необходимость становления новой парадигмы образования, ориентированной задачей формирования целостного, непротиворечивого, адекватного современности образа мира и человека в нем. Идея универсальности образования, которая действовала со времен Просвещения и предполагала полидисциплинарный характер образовательного процесса, сегодня требует наличия мировоззренческого конструкта, фундамента философско-аксиологических и гуманитарных дисциплин, которые, будучи «компасом» ценностных ориентиров, позволят защитить личность от манипулятивных технологий и дадут мотивированные критерии выбора той или иной сферы профессиональной социокультурной практики.

Ключевые слова:

аксиологическая направленность, аксиосфера, манипулятивные технологии, мировоззренческий фундамент, сознание, парадигма, современность, универсальность.

Валицкая А.П. «Время собирать камни»: к современной парадигме образования // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 2. – С. 113–117.

© Валицкая Алиса Петровна – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: avalitskaya@mail.ru

Название предлагаемой статьи отсылает к библейскому тексту и предполагает размышления о ритмах истории, особенностях современности и собственно человеческих созидательных возможностях, которые призвано обеспечить образование.

Нашему времени и типу цивилизации XXI века еще не придумали названия, хотя предложений множество: это и «постиндустриальный мир», и «технократическая цивилизация», и «эра толпы», «информационное общество», «общество потребления», «автоматизированное общество» и т.п. Есть попытки назвать современность по имени одной из самых заметных тенденций, например: «цивилизационный слом», «кризис гуманизма», «конец науки», «век манипуляции сознанием», а для России – «переходная эпоха», «модернизация», «обскурантивная фаза этногенеза», которая по известной классификации Л.Н. Гумилева являет собой «сумерки этноса», когда утрачены нравственные ценности и торжествуют субпассионарии (криминальные группы, мистицизм, потребительские идеалы обывателя). Это многообразие именовании свидетельствует о рассыпанной множественности картин и образов современности, а значит, и о неопределенности ориентиров и стратегий общественного развития, свидетельствует об отсутствии устойчивых координат личностной поведенческой тактики.

Сегодня, когда марксистская формационная теория линейного прогресса исчерпала себя, именование эпохи определяет ту или иную социокультурную, политическую или экономическую позицию аналитика и соответствующий характер прогнозов, как правило, пессимистических. Тем не менее очевидна необходимость согласования определений, «сборки» единой картины из мозаичных фрагментов, и эта необходимость диктуется острой социальной и личностной потребностью людей в сколько-нибудь достоверной прогностике, в преодолении «шока будущего» (Э. Тоффлер), в современных политико-экономических и нравственных ориентирах.

Итак, что значит «современность», как определить ее начало и конец, дать имя? С точки зрения космологии она начинается Большим взрывом, родившим нашу Галактику; для геолога это голоцен, который длится последние десять тысячелетий; христианин ведет счет от Рождества Христова; для историка это Новейшее время, век XIX и XX, вплоть до сегодняшнего дня; культуролог предпочтет именовать современность эпохой постмодерна; а с позиции каждого из нас современность – это моя жизнь вместе со страной, соотечественниками, родными и близкими. При этом в нее включены и те события истории, в которых нет моего непосредственного участия, однако они мне дороги, ценностно значимы.

«Современность» – понятие, которое становится актуальным в начале прошлого века для философии и искусства; в нем содержится представление о неизбежности и непредсказуемости радикальных перемен. Обычно понятия «современность» и «настоящее» употребляются как синонимы, однако стоит видеть существенную разницу смыслов: настоящее – это «миг между прошлым и будущим», это «здесь и сейчас»; современность – более широкое понятие, обладающее пространственно-временным статусом, существенно обогащенное прошлым и обращенное в будущее. Это тогда-сейчас-и-завтра бытие, открытое в прошлое и незавершенное во времени, которое имеет собственную структуру и требует от человека подчинения его изменчивости. «Настоящее, – пишет философ, – соответствует единственной точке, отделяющей прошлое от будущего; оно возникает ниоткуда и исчезает в никуда. Стянутое в точку, оно бесконечно близко прошлому и будущему. В традиционном представлении между прошлым, настоящим и будущим нет расстояний. В нашем представлении прошлое отделено от будущего интервалом, длина которого определяется характерным временем, настоящее обретает продолжительность» [7, с. 239] и, добавим, превращается в современность. Ортега-и-Гассет Х. говорит о сложной структуре настоящего, в котором есть место и прошлому и будущему [6, с. 62].

Философы определяют как современность эпоху после Гегеля, когда наступает разочарование в возможностях разума, прекращаются попытки создания универсальных метафизических систем, а диалектика саморазвития духа уступает всеобщим и вполне земным интенциям воли, когда «философия заката» видит неизбежность конца европейской цивилизации, обнаруживает признаки грозящей катастрофы во всеобщей технологизации жизни, которая обездушивает и нивелирует личность, а всеобщность глобальных связей разрывает локальную органичность национальной политики и культуры.

После Второй мировой войны философы Запада все чаще строят прогнозы в предчувствиях конца цивилизации, причем самая возможность спасения видится в созидательных потенциях свободной творческой личности (персонализм), в усилиях сознающего разума, однако нужно «напомнить человеку о нем самом» [9, с. 19], о его существенных способностях, возможностях и целях.

Для русской философской мысли «современность» наступает и вовсе недавно – после «отмены» единственно возможной идеологии марксизма-ленинизма. Современность знаменуется, во-первых, ускоренным (а потому и не очень-то адекватным!) освоением накопленного более чем за полвека изоляции капитала западной мысли; во-вторых – явленного «из-под глыб» и «после перерыва» наследия отечественной философии, особенно тех идей, которые рождены Серебряным веком. Советская философская литература не допускала откровенных констатаций надвигающейся катастрофы, и потому наиболее полно ее живая мысль проявлялась в исторических исследованиях и подспудной отечественной антропологической нравственно-эстетической традиции: персонализма Н. Бердяева, П. Сорокина и С. Франка, интуиций целостности бытия и сознания Н. Лосского, П. Флоренского, С. Франка. Глубинные интенции русской философии советского периода еще ждут исследовательского внимания, которое появится, как только мы перестанем ощущать эту эпоху как современность, сможем относиться к ней в исторической ретроспективе как к закономерному этапу жизни отечественной философии.

Современность дана каждому индивиду независимо от его личной воли («времена не выбирают...») и оказывается представленной в сознании человека сугубо индивидуальным образом: одно и то же событие разные люди воспринимают и помнят по-разному, окрашивая его подчас в несовместимые эмоциональные краски. Кто-то включает в собственную биографию события истории и «то, что было не со мной» помнит, другой обладает образной памятью, длиной в собственный краткий срок на Земле, третий вообще живет только сегодняшним днем или, напротив, надеждой на день завтрашний, ожиданием будущего, которое наступит то ли в пламени апокалипсиса, то ли на «сияющих вершинах» личного успеха и всеобщего благоденствия. Позицию личности по отношению к современности наблюдатель определит по внешним эстетическим признакам: одежда, манера поведения, речь, интерьер жилья или офиса скажут об этом со всей определенностью.

В этой длительности, которая зовется современностью, есть ключевые моменты, перекресток истории, судьбоносное событие, пик биографии, который определяет и весь облик времени (современности) для общества, нации, поколения и личности,

момент истории, принадлежность к которому чувствует каждый сегодня живущий. Это «звездные часы человечества», связующие мгновения и вечность, которые становятся ценностью и служат единению личности и общества, осознанию значимости собственной биографии во всеобщей истории. У Стефана Цвейга есть цикл новелл, посвященных таким моментам, повернувшим историю: «Марсельеза» Руже де Лилия, Ватерлоо Наполеона, «смертный миг» Ф.М. Достоевского на Семеновском плацу, «пломбированный вагон» В.И. Ленина и др. В предисловии Цвейг говорит: «История, подобно зеркалу, отражает природу во всех ее неисчислимых и неожиданных формах. Она не признает системы и презирает законы: то устремляется к цели, словно мощный поток, то вдруг создает событие из случайного дуновения ветерка. Иногда с долготерпением медленно нарастающих кристаллов она громоздит свои эпохи, а иногда трагически рассекает нависшие тучи яркой вспышкой молнии. Всегда созидающая, только в эти краткие мгновения гениального озарения она становится подлинным художником. Миллионы сил управляют мировыми событиями, но лишь редкий миг взрыва облакает их в трагические формы» [10, с. 13].

Так значимы для наших современников вехи отечественной истории, такие как крещение Руси, Куликовская битва, Бродино, День Победы, так драгоценны свидетельства очевидцев для воссоздания достоверного образа события, в котором человек идентифицирует себя с историей страны и культурой мира. При этом оказывается, что именно «звездные часы», ценностно окрашенные перекрестки современности, подвержены различного рода вольным или невольным интерпретациям, а то и сознательным искажениям. (Наиболее близкий пример: «Крым наш» – событие, отношение к которому определило состояние сознания современников, соотечественников и людей зарубежья.)

Уникальность нашего времени – в доступности любой информации. Благодаря интернет-технологиям сегодня можно получить практически любой документ, текст, репродукцию художественного творения, можно виртуально общаться с человеком, живущим на другом континенте, а то и на околоземной орбите. Однако эта доступность обычно сопровождается «шумом» произвольных интерпретаций, многообразием «мнений», которые вовсе не нуждаются в доказательствах истинности, но обладают исключительной силой

воздействия благодаря парадоксальности, неожиданности и новизне. При внимательном анализе оказывается, что эта спонтанность оценки кажущаяся, а ее управленческие цели скрыты, причем именно эта сокрытость цели, думают профессионалы, является одной из существенных характеристик технологий манипуляции сознанием.

«Оказалось, что в автоматизированном обществе, – пишет философ, – овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект... отнять самостоятельность мышления» [10, с. 13].

Коль скоро марксистская социальная классификация не работает в современных условиях, социальная психология, называя современность «эрой толпы», констатирует уже в конце прошлого века «массовизацию» всех стран и уникальную множественность «толп», каждая из которых обладает общностью «социальных представлений» и, как правило, иррациональных поведенческих мотиваций. Это толпы неорганизованные (например, «анонимные» уличные, праздничные) и организованные (парламент, политическая партия, секта; к последним относятся и касты – это военные, духовенство, студенчество и др.) [3, с. 73]. Особое, новое явление в этом процессе массовизации – публика: электорат, телезрители, интернет-пользователи. Эти толпы не собираются в одном месте, они рассеяны в пространстве страны и планеты, однако обладают существенно общими психосоциальными свойствами: подвержены технологиям манипуляции, импульсивны, легко внушаемы.

Как заметил Г. Лебон, один из самых авторитетных социологов, «толпа мыслит только образами, восприимчива только к образам, только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас, сделаться двигателями ее поступков» [4]. Отсюда исключительная сила и универсальность эстетического «соблазна», власти, шоу-бизнеса, символов-симулякров в обществе потребления, в условиях массовизации всех форм жизни. Примечательно, что перед радикальными потрясениями, социальными катаклизмами, временем смены эпох наблюдается «шторм символов» общественного сознания, разрушение тех констант-образов, которые «держат» аксиосферу: высокое оказывается комичным, истинное – сомнительным, достоверное – ложным. Таким «буревестником» может

быть не только телевидение или пресса, но даже анекдот – особый жанр фольклора, использующий эстетику комического, актуальный носитель коллективного бессознательного. В момент разрушения аксиосферы возникает необходимость и возможность переписывания истории, причем атаке подвержены прежде всего «вершины», те самые «звездные часы» – ключевые, стратегические позиции аксиосферы культуры, важные для страны и каждого, кто ощущает себя ее частью.

Можно ли остаться суверенным субъектом в современном мире, не подчиняясь манипуляциям и иррациональным потокам коллективного бессознательного? Да, но при одном условии: отчетливости ценностных координат, адекватности образа мира и человека в нем. Понятно, что эта суверенность нужна не только личности для сохранения чувства собственного достоинства, но более всего стране, обществу, человеческому роду, поскольку его нравственное, социально-политическое, экономическое состояние определяют сознательные, творческие индивиды, способные к целеполаганию и созидательной деятельности.

Самая возможность образного мышления вообще и адекватного образа современности в частности обеспечивается эстетической способностью сознания конструировать из многообразного материала сенсорных впечатлений и потоков информации особый мир, достоверность которого для личности несомненна и который служит мировоззренческим основанием отношения к внешней и внутренней реальности. Этот образ строится по эстетическим критериям меры собственного вида, в координатах пространства и времени, ритма и симметрии, в цветовых, линейных, динамических формах, служит компасом, ориентирующим современного человека в информационных потоках, в атакующих образах интерпретаций, в сутолоке «толпы», будь то публика, электорат или профессиональное сообщество, толпы, которая дышит в затылок, сжимает в своих объятиях, лишая мысли, воли, самостоятельности поступка.

В этой связи позволю себе еще одну выразительную цитату: «Гуманитарная культура передавалась из поколения в поколение механизмом, генетической матрицей которой был университет... Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа – фабрика субъектов, толпы людей ... Если надо «промыть мозги» целому обществу, совершить над

ним крупную программу манипуляции и отключить здравый смысл нескольких поколений, требуется разрушить систему университетского дисциплинарного образования и заменить гуманитарную культуру культурой мозаичной. Для этого манипуляторам необходимо овладеть школой и средствами массовой коммуникации. При этих условиях можно добиться большего или меньшего успеха, но если эти условия не обеспечены, успеха достичь почти невозможно» [4].

Действительно, разрушение университета с его философской гуманитарной доминантой, идеей содержательной связи наук о природе, обществе и духе – процесс, который отчетливо прослеживается в странах Европы и развернулся сегодня в России под именем модернизации. К примеру, Сорбонна, один из старейших классических образовательных центров мира, сегодня, сохраняя имя (бренд), оказалась конгломератом факультетов, рассыпанных по пространству Парижа и на его окраинах, причем в каждом из них повторяются однотипные программы, ориентированные спросом на рынке профессий.

Россия, включенная в Болонский процесс (цель которого, скажем в скобках, превратно понята нашими управленцами от образования), оснащенная советами кредиторов [2], активно и поспешно приступила к разрушительной модернизации своей системы, путем разрушения преемственности ступеней, коммерциализации, превращающей эту социогуманитарную сферу воспроизводства национального интеллекта в «рынок услуг», ликвидируя мировоззренческие основания образовательных программ, уничтожая традиции научных школ, подменяя качество цифровыми технологиями. Эти усилия уничтожают самую возможность формирования у школьников и студенческой молодежи понимающего сознания, целостного образа современного мира, способности адекватно ориентироваться и целесообразно действовать в культуре и социуме.

Вернемся к названию статьи: настало время собирать камни своей культурной идентичности, национального менталитета. Принцип универсальности в системе образования означает наличие в государственной образовательной программе (федеральный компонент стандарта) мировоззренческой базы, обеспечивающей содержательную взаимосвязь личности с аксиосферой современности, с ценностными основаниями культуры и национального менталитета. Сила страны отнюдь

не только в мускулах армии и ее технической оснащенности, а прежде всего – и это новое качество современности – в интеллектуальном потенциале, в духовно-нравственном богатстве нации, в ее созидательных возможностях. Понятно, что эти качества обеспечивает система образования. Если страна действительно стремится к паритетному участию в международной политике, стремится гармонично сосуществовать с народами Земли, ей необходимо сохранить свою культурную идентичность, ментальную суверенность, способность противостоять манипулятивным технологиям.

Разумеется, в новой парадигме образования, актуальной для России XXI века, принцип универсальности не повторяет просветительский конструкт образовательного процесса, который строился в логике сосуществования естественных и гуманитарных наук, представленных в учебном модуле предмета (дисциплины), поскольку объем современного знания не вмещается в традиционные источники информации. Новая парадигма образования с необходимостью опирается на идею междисциплинарной ин-

теграции [1, с. 142–146], воссоздающей целостную картину мира и человека в нем, причем эта интеграция обеспечивается аксиологической, ценностной ориентацией научного знания. Коль скоро сегодня так важно «напомнить человеку о самом себе», образовательные усилия системы необходимо соотнести со структурой сознания в алгоритмах типологического соответствия фило- и онтогенеза [8], активизируя его функции, наращивая возможности.

Одна из самых сложных и дискуссионных проблем современной науки – сознание, вопрос о том, как оно встроено в природу, каким образом, не редуцируя к нейрофизиологии, объяснить нашу способность мыслить, понимать, целенаправленно, рефлексировать и корректировать результаты собственных действий и действий Другого.

Следует надеяться, что целостная фундаментальная теория сознания не только необходима, но и возможна [8; 11], хотя сегодня описаны только некоторые состояния и основные функции этого феномена, определяющего онтологию человека и культуры.

Список литературы:

- [1] Валицкая А.П. Теория образования в контексте современности / Уч. пос. – СПб.: Астерион, 2014. – 165 с.
- [2] Всемирный банк. (1995). Россия: образование в переходный период / Вашингтон, Округ Колумбия: Всемирный Банк. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.documents.worldbank.org/curated/en/1995/12/734105/russian-federation-education-transition#
- [3] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. – М.: Алгоритм, 2015. – 464 с.
- [4] Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
- [5] Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. Пер. с франц. Емельяновой Т.П. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 477 с.
- [6] Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – 408 с.
- [7] Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
- [8] Уилбер К. Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности / Пер. с англ. – М.: Постум, 2013. – 256 с.
- [9] Хюбшер А. Мыслители нашего времени. 62 портрета. Справочник по философии Запада XX века / Пер. с нем., общая редакция А.Ф. Лосева. – М.: Изд-во ЦТР МГП ВОС, 1994. – 312 с.
- [10] Цвейг С. Звездные часы человечества: исторические миниатюры. Полный цикл. – М.: АСТ Астрель, 2010. – 318 с.
- [11] Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. – М.: Либроком, 2013. – 512 с.